

ГЛУБИНКА

ШАДРИНА Л.Г.

Л.Г. Шадрина

Глубинка

<https://litres.ru/74005744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эмоциональное и честное повествование о жизни нескольких поколений одной семьи небольшого городка на Урале. Сюда с 1930 по 1960-е годы переселялись люди разных национальностей России по вынужденным обстоятельствам или по воле властей. В тяжёлое время они жили, любили, страдали, строили свои семьи, передавали будущим поколениям свой выстраданный опыт, свою правду.

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Мои истоки	5
Тавда	5
Отец	9
Мама	26
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Л.Г. Шадрина

Глубинка

*Посвящается моим родителям,
маме, Черкашиной (Лыковой) Галине
Макаровне
и отцу, Черкашину Геннадию Александровичу*

Пролог

Вот и прошла жизнь. Сколько было надежд, разочарований, ожиданий.

Почти всё. Хочется подвести итоги, разобраться в деталях, понять причины: почему произошло так, а не иначе. Какие были грандиозные планы в молодости. Что-то получилось, а что-то и не сбылось. Да, жизнь вносит свои коррективы. Оказывается, не всё в жизни зависит от тебя, что-то и зависит, но очень мало.

Уже нет никаких ожиданий, только покой и воспоминания о прошлом, и спокойное созерцание настоящего.

Я не была паинькой, но всегда любила людей, интересовалась их судьбами.

Спасибо моим родителям, что подарили мне жизнь, хотя обстоятельства не способствовали этому. Спасибо им, что воспитали в добре, справедливости и любви.

Часть 1. Мои истоки

Тавда

Всё начинается с детства. И вот, в январе 1948 года, в городке Тавде Свердловской области я родилась. Уже прошло три года после большой войны — Великой Отечественной. Народы Советского Союза победили фашизм. Но эта война ещё многие годы будет отражаться на судьбах людей, на моей судьбе.

Мои родители стали семьёй 12 ноября 1943 года. Мама — уроженка города Вязьмы Смоленской области: Лыкова Галина Макаровна, отец — Черкашин Геннадий Александрович. Родился он в посёлке Манзурка Верхоянского уезда Иркутской губернии. У меня также был старший брат, он родился в 1945-м году.

Тавда была в то время конечной станцией железнодорожной ветки Свердловск — Тавда. Это самый восточный город Свердловской области. Находится на Западно-Сибирской равнине, на правом берегу полноводной, одноимённой реки, что в 360 километрах от Екатеринбурга (Свердловска) и в 100 километрах от Тюмени.

Название городка произошло от мансийского названия реки Тавда — «полный, весь». Заселялись эти земли очень

давно. До сегодняшнего дня здесь развита охота, рыболовство. Кругом тайга. Железная дорога появилась только в 1916 году.

Для понимания социальных процессов, которые происходили и происходят здесь, хочется немного погрузиться в историю. Ещё в XI веке по реке Тавде проходил Чердынский тракт, который связывал новгородские земли с Сибирью.

В XV веке известны походы в Сибирь через эти земли князя Ф. С. Курбского (Чёрного). В июле 1583 года по реке Тавде предпринял поход атаман Ермак для покорения живших на этих территориях народностей вогулов и манси.

С 1880 года началось массовое переселение в Сибирь, которое коснулось и этих территорий. Аграрная реформа П. А. Столыпина 1906 года также способствовала освоению земель и богатых таёжных просторов, вдоль полноводной Тавды. До нынешних дней сохранились организованные в те далёкие времена поселения: посёлок Кашуки, деревни Герасимовка, Ошмарка и другие. В поисках работы люди вместе с семьями переселялись в эти края вплоть до 1930 года. В XIX веке здесь открылась суконная фабрика (1870 год), затем лесопильный и судостроительные заводы. По реке ходили катера, которые перевозили лес, железо, рельсы.

В 1899 году после экспедиции по Уралу знаменитого химика Д. И. Менделеева было дано заключение, что в районе Тавды находится около 600 млн. десятин годного для переработки леса. В 1910 году появился посёлок Тавда. Нали-

чие сырьевой базы, удобного водного пути для доставки сырья и сбыта продукции, способствовало появлению на берегах реки лесопильных предприятий. С появлением железной дороги в 1916 году тавдинский лес, продукция предприятий посёлка стали отправляться в западные регионы страны.

Во время войны 1941–1945 годов уже были построены лесокombинат, он давал 40 % различных видов деревообрабатывающей продукции страны, а также фанерный комбинат, механический завод, судовой верфь. Городу нужны были люди. И здесь появились первые переселенцы советского периода. Кто они?

В 1930 году в посёлок Тавда привезли 11 000 раскулаченных крестьян с Кубани, из Белоруссии и Украины. Количество переселенцев превышало местное население в три раза. Это были представители разных национальностей огромного Союза. Они были депортированы сюда властями не по их воле. Это советские немцы с Поволжья, болгары, китайцы, греки, узбеки и другие. Наша страна огромна и многонациональна, и не все народности вызывали у советской власти доверие, особенно в годы войны. Это история, которую знать необходимо, её уже не исправить.

Переселенцы осваивали земли, вырубали лес, корчевали пни. Первоначально они рыли для проживания землянки, боролись с холодом, голодом. Всесоюзная перепись 17 января 1939 года зарегистрировала в городе уже 25,2 тысяч жителей. Несмотря ни на что городок рос и развивался.

В 1936 году в Тавде были организованы первые лагеря ГУЛАГа¹. С 1937 года в Тавдинлаге содержалось более 2 тыс. заключённых, в основном «политических». Так называли людей, осужденных по 58 статье уголовного кодекса РСФСР: за контрреволюционную деятельность, вредительство, связь с иностранным государством. Чаще всего это были грамотные, образованные люди, которые в дальнейшем положительно повлияли на развитие и жизнь города.

В 1961 году эта статья в уголовном кодексе была устранена. Но в лагере содержались не только по «политическим» статьям, но и по уголовным: за кражи, разбои, убийства, что создавало напряжение в жизни городка.

10 июля 1937 года Тавда получила статус города.

Такова краткая историческая справка о поселении, в котором я родилась, воспитывалась, училась, воспринимала всю сложность и многообразие человеческих отношений, набиралась социального опыта. В этом городке прошли мои детство и юность.

¹ Главное управление исправительно-трудовых лагерей

Отец

Мой отец, **Геннадий Александрович Черкашин**, родился 23 мая 1919 года в глубокой Сибири. Рождение было зарегистрировано в церкви города Иркутска 15.12.1924 года. Родился он от крестьянской девицы **Евдокии Гавриловны Черкашиной**. Имя отца в метрике не указано. Запись о рождении сделана со слов матери. В справке указано, что мать, Черкашина Е. Г., прибыла в Иркутск с Манзурской волости Верхоянского уезда Иркутской губернии из села Манзурка. То есть родился отец в Богом забытом краю, где селились русские переселенцы как вольные, так и ссыльные с 1648 года. Сюда, например, в 1914 году был выслан царским правительством известный революционер М. В. Фрунзе.

Село Манзурка располагалась на одноимённой реке Манзурка, она впадала в реку Лена. Село находилось в 200 километрах от Иркутска. Село богатое, зажиточное. «Места здесь прекрасные, — писал родным М. В. Фрунзе, — живая, красивая природа, густой лес вокруг села». В Манзурке были в ссылке в разные годы: В. М. Молотов (в 1915–1916 г.г.); революционер Ф. Н. Петров; писатель Ф. В. Гладков.

12 августа 1920 года моя бабушка Черкашина Е. Г. была официально зарегистрирована с Александром Александровичем Зотовым, который в 1924 году и дал отчество моему отцу. Бабушка была совершенно неграмотна, не умела ни

читать, ни писать. С её слов, как она вспоминала, её мамой было рождено 24 ребёнка, сколько осталось живыми она даже не могла мне сказать, скорее всего и не знала. Я её любила, она была очень добрым человеком, с ней было интересно беседовать. Как-то я её спросила:

— Бабушка, как ты жила в селе, где-то работала?

— В 16 лет меня отдали в услужении к богатой даме. Обязанности мои были простые: помогать хозяйке одеться, накрыть на стол, помочь на кухне. Мне нравилось, — вспоминала она, — когда хозяйка собирала прислугу и раздавала нам свои платья, часто которые даже и не носила.

— А где познакомилась с дедушкой?

— Там и познакомилась. Дедушка уже тогда был хорошим портным и красивым, статным молодым человеком. А у меня на руках был маленький Геннадий. Позже мы с ним поженились и уехали вместе с сыном в Иркутск.

Так началась семейная жизнь Дуняши — Евдокии Гавриловны далеко от родных мест.

Её сын, мой отец, уже учась в институте научил писать свою маму печатными буквами. Так она общалась с сыном, посылала ему небольшие записки, впоследствии и мы с братом получали от неё коротенькие сообщения. Я помню её очень душевным человеком и радовалась, когда видела её старательно нарисованные буквы.

Дедушка, **Александр Александрович Зотов**, очень хорошо относился к своим внукам, но был строг. Он всё жизнь

зарабатывал пошивом верхней мужской одежды. У него прекрасно получались вельветовые куртки, как для взрослых, так и для детей. Они были дешёвыми и очень востребованными. Брат всегда в детстве ходил в этих недорогих вельветовых курточках.

Отец Геннадий с родителями, 7 лет

Дедушка был, как сейчас говорят, самозанятым. Он брался и за пошив дорогих мужских костюмов. Подходил к работе ответственно и творчески, нервничал, когда получал такой заказ. Шил дома на машинке «Зингер». Изделия получались очень красивые.

Из Иркутска семья переехала сначала в Шадринск Курганской области, а затем в Уфу, столицу Башкирской АССР. Уфа — место наших с братом летних каникул.

Отец учился хорошо, о чём свидетельствует аттестат о среднем образовании. После окончания школы Геннадий поехал поступать на факультет журналистики Ленинградского университета. Однако его сочинение не удовлетворило приёмную комиссию, как рассказывала бабушка, он получил невысокий балл, к тому же он не совсем лояльно относился к некоторым политическим вопросам в стране и не был зачислен на этот факультет.

Отец Геннадий в детстве, 1931 г.

Решив остаться в Ленинграде, подал заявление в Лесотехнический институт (ныне это академия) и был принят. Самым популярным в институте был химико-технологический факультет, а самой модной на этом факультете была специальность «гидролиз древесины», её он и выбрал.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Постепенно Ленинград окружали в кольцо. Студенты и мой отец вступили в ополчение, продолжая учиться, но с каждым днём становилось всё голоднее, еды не хватало. Зима 1941-го выдалась в Ленинграде очень холодная, морозы достигали -32 градусов и ниже. С первых дней блокады жителей Ленинграда постепенно стали эвакуировать на большую землю, а зимой 1941 года и по льду Ладожского озера. Дорога жизни начала функционировать в октябре 1941 года. Студенты Ленинградского лесотехнического института в декабре 1941 года также были вывезены из блокадного города на Урал, в Свердловский лесотехнический институт. Но и на Урале 1941 год был очень тяжёлым, люди голодали и здесь.

Отец в Ленинграде во время блокады, 1941 г.

Нам сейчас трудно представить, когда в доме просто нет хлеба. Даже в первые годы после войны люди также часто не доедали. Как все дети, я часто капризничала за едой. Помню, баба Оля, наша няня, которая в детстве присматривала за нами, детьми, как-то очень возмутилась смотря как я завтракаю.

— Ты собираешься есть? — обратилась она как-то ко мне с раздражением, когда я водила ложкой по тарелке, — у тебя в тарелке манная каша с маслом. Если не будешь есть, выходи из-за стола! — очень строго сказала она, — отец бы не потерпел такого безобразного отношения к еде. Когда падала любая крошка хлеба со стола, он всегда вставал и поднимал её с пола. А ты!

Ленинградцев в городе Тавде после войны было немало, у жителей было к ним особое отношение. Помню своё детское удивление, если няня делала мне подобные замечания, но они откладывались в памяти... Часто я вспоминала эти её резкие высказывания уже будучи взрослой, что, конечно, заставляло задуматься об их причинах.

Я отца совсем не знала, он умер в тот же год, когда я родилась.

В 1942-м году Геннадий Черкашин после окончания лесотехнического института был направлен в Тавду Свердловской области в качестве технолога гидролизного производ-

ства.

Строительство гидролизного завода в Тавде было начато в ноябре 1940 года силами заключённых Ураллага НКВД СССР. Планировалось производить 500 тысяч декалитров спирта и 1000 тонн в год кормовых дрожжей. По тем временам, это было современное высокотехнологичное производство.

В феврале 1942 года в Тавду прибыли и так называемые трудармейцы, «неблагодёжные» жители со всех уголков Советского Союза. Как я уже указывала, в город до войны, во время войны и вплоть до 1960-х годов двадцатого столетия прибывали рабочие из разных регионов страны. Около 14 национальностей во время войны подозревались властями в возможном предательстве и были депортированы из своих родных мест в отдалённые районы Сибири и Урала. В Тавде они строили гидролизный завод, лесокомбинат, механический завод, фанерный комбинат, школы, детские сады, жилые дома, городскую больницу.

Строили из дерева. Очень добротнo. С первого по восьмой класс я ходила в школу № 16, которую построили в это время. Она и сейчас функционирует — отремонтирована, обшита белым сайдингом с бюстом П. П. Бажова при входе. Школа деревянная, коридоры широкие, учебные классы просторные с большими окнами. Ранее школу отапливали дровами, и было очень тепло и уютно в классах. Построена эта школа прямо на болоте, специальную технику при стро-

ительстве почти не использовали, свай забивались вручную. Сейчас в ней обучаются детишки начальных классов.

Как жили переселенцы? Первоначально — в спецпосёлках, в землянках, бараках, небольших деревянных домиках, которые сами и строили. Жили за колючей проволокой, вокруг посёлка стояли вышки. По состоянию на 01 января 1954 года поселенцев в Тавде было 801 человек. До сих пор этот посёлок существует, он так и называется: «Спецпосёлок». Поселенцы не могли отлучатся за пределы расселения. За небольшую провинность они могли быть переведены в специальный лагерь, где уже квалифицировались как заключённые. Бытовые условия были крайне тяжёлыми. Одежда не соответствовала суровому уральскому климату, еды не хватало.

Мои близкие, с которыми я общалась в детстве и юности, были очевидцами тех событий, но рассказывали о жизни того времени очень сдержанно. Ведь в это время шла войны, а они были живы. Но не все смогли пережить те годы: голод, холод, болезни, труд в суровых условиях уносил тысячи жизней. В окрестностях Тавды известны 248 братских могил трудармейцев. С 1945 по 1948 гг. Там захоронены 7 529 переселенцев, эти данные обнародованы не так давно.

Тем не менее, к началу 1943 года был готов главный корпус гидролизного завода, топливно-сырьевой цех, электроцех, ремонтно-механический цех. 30 июля 1943 года Тавдинский гидролизный завод был введён в эксплуатацию.

Строители были горды своим детищем.

Всё детство и юность я прожила в доме по улице Бажова, 10, в квартире, которую получил отец. Таких деревянных домов вокруг было около десятка, их также построили переселенцы, они образовали посёлок «Гидролизный» для работников завода.

Дом моего детства

А сейчас ненадолго вернёмся в наши дни. Гидролизный завод — это производство технического спирта из опилок после обработки древесины. В 1941–1945 годах шла война и спирт был нужен фронту. Но его производство интересовало

не только государство, но и некоторых жителей, что хотели обогатиться за счёт его нелегальной продажи. Спирт воровали и воровали всегда.

С середины 1990-х годов на заводе начались серьёзные проблемы. Криминальная группировка «Уралмаш» из Екатеринбурга взялась за дело. Спирт стали вывозить цистернами с надписью «Молоко». Начались перебои с зарплатой, рабочие протестовали, устраивали забастовки. В 2004 году завод окончательно закрыли. Один из руководителей организованной преступной группировки 90-х годов «Уралмаш» А. В. Куковикин, основной обвиняемый в закрытии завода, скрылся в Объединённых Арабских Эмиратах. Но в 2016 году он был экстрадирован и в конце концов осуждён за мошенничество с активами Тавдинского гидролизного завода. Был приговорён всего к четырём годам лишения свободы. Его обвинили в преднамеренном банкротстве завода. Но в заключении пробыл он недолго, в 2018 году уже вышел на свободу.

Из СИЗО он дал любопытное интервью, в котором сказал следующее: «Я старался сделать многое для Тавды, у меня есть чувство вины перед горожанами, что не сохранил завод». Правда, очень любопытное признание! Но только ли у него вина перед живыми жителями Тавды? Сейчас завода нет, стоит в руинах. И это уже история нашего времени, которая требует своих исследователей.

Гидролизный завод в наши дни

Итак, родители мои встретились в Тавде в 1943 году и создали семью. У отца был врождённый порок сердца. В Ленинграде во время блокады он пережил голод. С 1945 по 1948 годы постоянно болел.

9 ноября 1948-го он умер от паралича сердца. Ему было всего 29 лет. Я думаю, что если бы он был жив, то и наша с братом судьба сложилась бы иначе. Нам, конечно, очень хотелось больше знать об отце, но всё постепенно теряется во времени. Однажды я задала маме обычный девичий вопрос:

— Где вы с отцом познакомились?

— На заводе был театральный кружок, — ответила она, — мы с Геннадием участвовали в различных постановках, там он и начал ухаживать за мной. И всегда дарил мне разные подарки.

— Вот эту шкатулку тоже он подарил?

— И эту, видишь его рукой написано: «Галине в день рождения. 1946 г».

— Правда, неужели? Я видела эту надпись, — удивилась я.

Фотографии отца и эта шкатулка хранятся у меня как память о нём.

Память об отце

— Интересно, а кто дал нам имена? — также спросила как-то я.

— Виктор родился 12 июня 1945-го, дали имя ему в честь Дня победы над фашизмом, который отметила страна 9-ого мая, а тебе имя дал отец. Ему в театральном кружке всегда нравилась, кроме меня девушка Лида, он тебя и назвал в честь её, — смеясь, ответила она мне.

Всё время пока я жила в Тавде или когда изредка приезжала в город, знавшие его люди старались рассказать мне об отце. Мы жили в квартире № 2 по улице Бажова П. П., а рядом, в третьей квартире жила семья его друга дяди Вани Лахтина. У них тоже было двое детей. Мы дружили — и взрослые, и дети. Как-то дядя Ваня зашёл к нам по-соседски, я была одна и почему-то грустила. Помню, мне было уже 19 лет.

— Что грустишь? — спросил он.

Я не знала, что ответить.

— Давай я расскажу тебе об отце, — сказал он, — твой отец был очень хорошим человеком, активным, жизнерадостным, старался организовать на заводе разные соревнования, кружки. Мы ходили с ним на рыбалку, охоту, просто дружили. Его любили и администрация, и рабочие. Много бы мы ещё сделали вместе, если бы он был жив. Не грусти и помни о нём, — добавил он.

Конечно, такое было очень приятно услышать о своём отце, которого я совсем не знала.

Люди после войны жили дружно, взаимопомощь и сострадание были основой их выживания. Я благодарна всем, кто сохранял память о моём отце и передал свои воспоминания о нём. Спасибо им. Это очень важно. В ходе взросления мы не задумываемся о том, кто мы и почему так или иначе живём. Учёба, работа, семья занимают все мысли и время. Жизнь проходит, и мы видим, что родители, люди, которые окружали нас в детстве и юности, их характеры, мысли, стремления отражаются в нас, в наших детях. Мы, совершая поступки невольно оглядываемся на них.

Однажды принесла нам мама домой толстую книгу в прекрасном голубом переплёте, называлась она «900 дней. Блокада Ленинграда». Это была книга американского журналиста Гаррисона Солсбери, который в годы войны работал в Советском Союзе и жил в Ленинграде. Интересно напи-

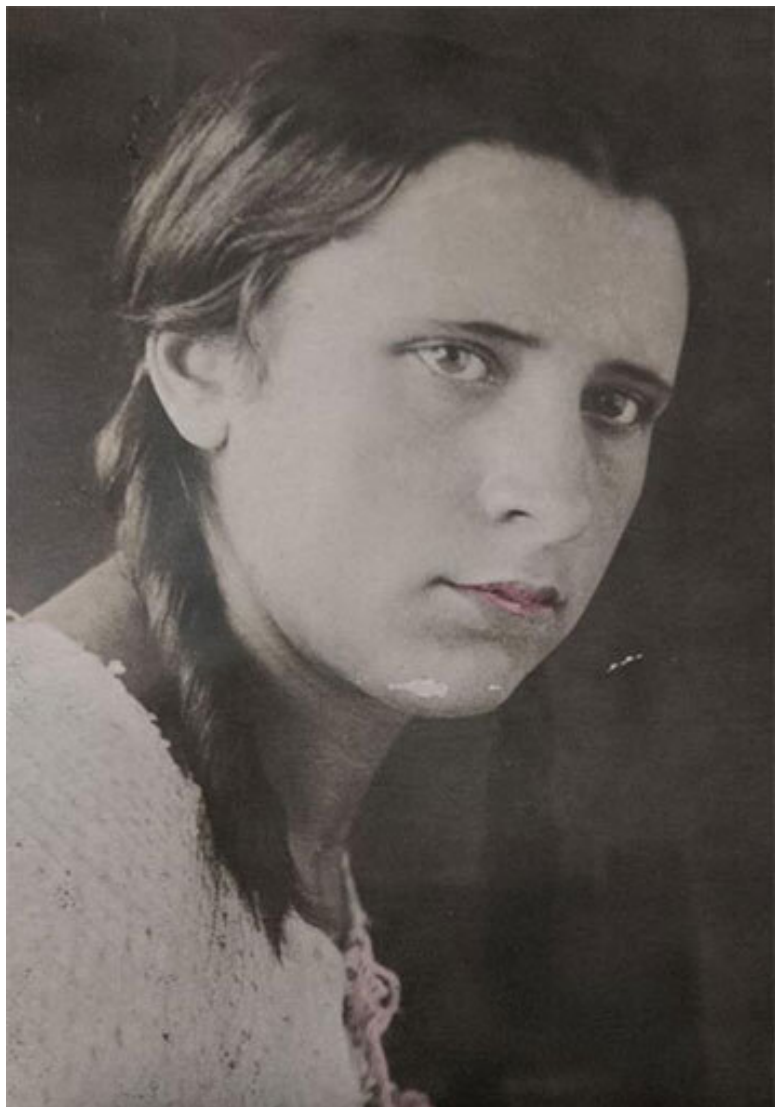
санное, серьёзное произведение со множеством фотографий очевидца тех событий.

Наша семья оказалась причастна к этим трагическим событиям. Я всегда со скорбью думаю о тех, кто пережил блокаду. Отец был в Ленинграде только в 1941 году, но и он в конечном итоге получил смертный приговор. В нашей стране война коснулась очень многих. Забыть эти события невозможно. Я больше скажу — страдания и пережитое нашими предками оседают в нашем подсознании. Это не пафос, это факт, может даже не всегда осознаваемый.

Мама

Если и было великое переселение народов, то оно было в России в XX веке. Люди и по своей воле, и как преследуемые властями за мнимые или подлинные проступки переезжали, или их депортировали в глубь страны — на Урал или в Сибирь. Россия страна большая. Люди покидали веками обжитые родные места, осваивались на новых территориях, заводили семьи. Переезжали с небольшим скарбом или чаще всего просто с ручной кладью. Они привозили на новые места свои нравы, привычки, культуру, свои обычаи. Так формировалась Россия к XXI веку.

Галина Макаровна Лыкова родилась в городе Вязьма Смоленской губернии в 1922 году. По стечению обстоятельств была вынуждена уехать из родного города и оказалась в Тавде Свердловской области. Меня всегда интересовали причины её переезда из центральной России в небольшой городок на Урале. Каковы они? Как и при каких обстоятельствах сформировался её характер, отношение к жизни?

Мама Галина Макаровна, 1940 г.

Чтобы понять состояние общества на Смоленщине перед Великой Отечественной войной 1941–45 гг. лучше всего погрузиться в историю этого региона. Вязьма находится в Смоленской области в 167 километрах от Москвы на Старой Смоленской дороге. Это небольшой провинциальный город, в 1939 году население составляло 37 774 человека, в 2024 году проживало чуть более 50 тысяч человек. Смоленщина — территория исконно русская, ещё в VI–VIII веках её заселили славянские племена кривичей. Но здесь всегда было неспокойно. Смоленские земли — прямой путь в Москву, а также удобная дорога в Прибалтику, страны Центральной и Западной Европы.

В разные периоды истории эти территории входили в состав Смоленского княжества, Великого княжества Литовского, позднее — Речи Посполитой, Московского царства и, наконец, в 1667 году после русско-польской войны Смоленщина вошла в состав России.

Наступили трагические события первой половины XX столетия. Во время Первой мировой войны города губернии стали прифронтовыми. Смоленские земли контролировались российскими войсками, с захваченных же земель австро-немецкими войсками сюда массово стекаются беженцы. Не хватало продуктов, все общественные здания Смоленска и близлежащих поселений занимались госпиталями,

либо войсками, которые направлялись на запад.

После победы Октябрьской революции, с 1917 года по 1922 год в ходе гражданской войны Смоленская губерния переживала жестокое противостояние «красных» и «белых», как и во многих регионах России во время Гражданской войны. В непосредственной близости от Смоленской области находится Польша, которая 6 ноября 1918 года объявила о независимости от российского государства, воспользовавшись сложной ситуацией в России, и объявляет ей войну.

Мама Галина Макаровна, 17 лет

С января 1919 года по март 1921 года идёт советско-польская война, в которой Красная армия потерпела поражение. 18 марта 1921 года Советская Россия заключает с Польшей Рижский мирный договор, в результате которого к Польше отошли обширные территории с непольским населением Западной Украины, Западной Белоруссии и частью территорий других губерний. Государственная граница приблизилась к Смоленской области. Очень беспокойный регион. В 20-ые годы проводятся репрессии инакомыслящих и «саботажников» со стороны российских властей, а также и провокации со стороны «белополяков».

В этом беспокойном регионе, в Вязьме Смоленской области родилась и провела своё детство и юность с 1922 по 1939 годы самый главный человек в моей жизни — моя мама. Мама очень мало говорила о Вязьме. Она была немногословна. Единственное, чего она хотела всю жизнь — хоть ненадолго вернуться в свой родной город. К сожалению, не удалось.

Долго вспоминаются трагедии, свидетелями которых мы являемся. И чем больше проходит времени, тем более красочно в памяти оживают события, влияющие на нашу жизнь, на жизнь родных и близких.

О своём отце она не говорила никогда. Уже будучи на пенсии, каким-то образом отыскивала родственников, которые жили в Тамбове. Они прислали ей фотографии, где она была

запечатлена в детстве и фото её отца в группе офицеров и солдат Красной армии. Эта фотография хранится у меня. На ней я вижу красивые, серьёзные молодые лица. Она говорила, что на этой фотографии есть её отец, мой дедушка. Но не указала на него, видимо и сама не была уверена, что он есть на ней. Сколько лет было отпущено этим людям прожить на земле?

Очень тёплые воспоминания она сохранила о своей маме **Елизавете Владимировне Лыковой**. В её свидетельстве о рождении указан и её отец **Макар Дмитриевич Лыков**.

Как работали и за счёт чего существовали наши предки в начале XX века?

Елизавета Владимировна была шляпной мастерицей. Мама говорила, что заказов у неё было всегда много, видимо она обладала хорошим вкусом и трудолюбием. Умерла моя бабушка по маминой линии в 1934 году от туберкулёза. В 12 лет Галина осталась сиротой.

Но мирная жизнь длилась недолго. Нельзя не упомянуть и события в этом районе во время Второй мировой войны. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу.

12 сентября 1939 года Советский Союз объявляет Польше войну, которая продолжалась с 17 сентября по 05 октября 1939 года. Согласно секретного протокола к Договору между Советской Россией и Германией, Россия заняла ранее утраченные земли Западной Украины и Западной Белоруссии, что дало возможность ей отодвинуть границу на запад до 400

км и укрепить свою безопасность в преддверии войны с Германией. Но очевидно было и то, что Германия в этот период была доминирующей силой в Центральной и Восточной Европе. Население присоединённых территорий и ближайших к этим территориям России областей понимало тем не менее, что столкновение с Германией практически неизбежно.

В ходе боевых действий 1939 года советские войска захватывают в плен до 250 тысяч поляков (точной цифры не установлено). На Смоленской земле было организовано 8 лагерей для содержания военнопленных поляков. Нельзя не упомянуть, что примерно в 15 км от Смоленска между посёлками Гнездово и Катынь находится печально известный Катынский лес — свидетель одного из кровавых преступлений людей указанного периода. Здесь было расстреляно 21 857 солдат и офицеров польской армии. На этом печальном месте организован Мемориальный комплекс «Катынь».

Да, это история, кровавая, бесчеловечная история, которая не забывается. Она отражается на всех последующих поколениях, эти события противостояния людей, которые влияют не только на массовые общественные явления, но и на судьбы и души простых людей, прямо или косвенно причастных к трагедиям общества. История может также ответить и на вопросы, которые вживляются в сознание и подсознание и в последствии проявляются самым неожиданным образом.

До 17 лет Галина жила с бабушкой, который зарабатывал пошивом и ремонтом обуви. Ей удалось окончить школу-се-

милетку. Она много это время читала и впоследствии привила нам с братом любовь к книге. В свидетельстве об окончании школы — хорошие и отличные отметки (удовлетворительно стоит только по русскому и немецкому языкам).

Мой прадед умер в трагический 1939 год. Мама рассказывала, что задолго до своей смерти он отправил своего сына к родственникам на Урал, вглубь страны, подальше от границы, где было более безопасно чем в Вязьме. Дедушка наказал сыну забрать свою племянницу к себе после его смерти. Так он и поступил. Галина оказалась в далёкой Тавде, вдали от родных мест.

Тавда Свердловской области того времени — это город переселенцев. Дом дяди — это была просто землянка. Чтобы выйти во двор из комнаты надо было подняться по нескольким ступенькам, так как домик просто был вкопан в землю. Так мама вспоминала о жилищных условиях своего родственника. Жилось тяжело. Было не очень сытно, да и не очень любили её в семье дяди. Когда мы с братом спрашивали её об этом периоде жизни, она говорила, что всегда чувствовала голод.

Ранее при беседе с внучкой, дедушка советовал внучке, когда его не будет, идти работать в какую-нибудь контору счетоводом (так раньше назывался младший бухгалтер) или бухгалтером. Он видел у неё для такой работы способности: скрупулёзность, аккуратность, внимательность. Да и математика в школе давалась легко. Галина послушалась его совета.

Мама проработала бухгалтером, старшим бухгалтером, заместителем главного бухгалтера всю свою жизнь. Совет деда был точным. Но она всегда сокрушалась, что у неё нет достаточных знаний для этой работы. Я вспоминаю, что ей иногда предлагали и должность главного бухгалтера, но она обычно отказывалась.

Уже с марта 1940-го она начала работать учётчиком на Тавдинском лесокомбинате им. В. В. Куйбышева, а с сентября того же года бухгалтером, а затем и старшим бухгалтером. Ей в это время было всего 18 лет.

В начале войны Галина была мобилизована РККА на работу в госпитале медицинской сестрой после соответствующего обучения. В Тавде во время войны работало пять госпиталей. В качестве медсестры она очень хотела идти на фронт. Как-то во время дежурства подозвал её к себе офицер, пожилой майор, который проходил лечение. Он рассказал ей о положении на фронте, спросил о её родных и сказал:

— Галина, война — не женское дело, особенно для молоденьких девушек, тем более ты сирота. Тебе надо сохранить свою жизнь, выйти замуж, родить детей. Это также важно, как и закончить войну.

Она часто вспоминала об этом разговоре, когда я спрашивала её об этом периоде жизни. В ноябре 1941-го она перешла работать бухгалтером в Тавдинский исправительно-трудовой лагерь НКВД.

Вся её трудовая деятельность проходила в Тавде на пред-

приятнях города. Работала бухгалтером в Тавдинском ИТЛ (исправительно-трудовом лагере, в вышеупомянутом Тавдинлаге), старшим бухгалтером торговой части Тавдинского сплавного отделения ОРСа, старшим и главным бухгалтером на Тавдинском гидролизном заводе. В ведении исправительно-трудовых лагерей, как вольнонаёмная, она проработала с 1941 по 1946 годы.

Более 20 лет, начиная с 1946 года Галина Макаровна проработала в сплавной конторе Тавдинского отделения Восточно-Уральского ОРСа. Контора находилась в одноэтажном здании на левом берегу реки Тавды. Я часто бегала к ней пообедать или по каким-то делам. После её работы, летом, можно было искупаться в реке. Сохранились приятные воспоминания о песчаном берегу и чистой воде реки. Сплавконтора располагалась далеко от дома, надо было пройти через реку с одного берега на другой по бонам. Это — плавающие по реке тротуары из досок, они в определённое время раздвигались дежурными, чтобы пропускать огромные брёвна сплаваемого леса. Я любила бегать по этим бонам, ловить прохладный ветерок на реке и любоваться огромными потоками леса. Иногда смотрела на проходившие мимо небольшие катера.

Как можно видеть из перечисленных мест работы Галины Макаровны, жизнь в городе и работа были связаны с людьми, которые прибывали сюда отовсюду: переселенцами, заключёнными, трудармейцами. Мы же, дети, впитывали все осо-

бенности кипевшей вокруг жизни. И я не помню, чтобы мама хоть когда-то высказала отрицательное мнение об окружающих нас людях. Напротив, мы с братом воспитывались строго, с обострённым чувством справедливости. Мы видели, что окружающие нас люди старались прийти друг другу на помощь, если это было необходимо. И это было в порядке вещей.

Наша семья жила в одном из двухэтажных домов гидролизного посёлка в двухкомнатной квартире. Дом был деревянным, на восемь квартир. Жилой посёлок, как и завод строили трудпереселенцы. Строили хорошо, надолго. Наша квартира на первом этаже — с большими комнатами (25 и 12 квадратных метров) и удобной кухней. Комнаты протапливались дровами, на кухне — плита, ванны не было, в качестве санузла — яма. Сейчас эти дома стоят беленькие, оштукатуренные и уже с паровым отоплением.

Раз в неделю обязательно ходили в баню, где была замечательная, продуманная парилка. После бани — обязательно буфет с клюквенным морсом за 10 копеек. Это, конечно, приятные воспоминания. Воду для хозяйственных нужд сначала носили из колодца, позже к домам провели несколько колонок. Квартиру зимой мама протапливала два раза в день дровами, весной один раз. Для каждого дома строился деревянный сарай с отсеками для каждой квартиры. Там хранились дрова и всякая хозяйственная утварь. Многие жители утепляли сараи и держали свиней и даже коров. Дрова за-

готовливали на зиму заранее, леса вокруг было много. Одной машины дров хватало на сезон. Помню, у нас были куры. Мы, как и все дети часто болели и нам готовили куриный бульон, но как он получался мы, конечно, не знали. Куры с весны до осени паслись около дома, а в пять часов вечера их загоняли в сарай. В общем, как в деревне. Спинки кур красили в разные цвета, чтобы их не перепутать. У наших кур был малиновый цвет. До сих помню, как по вечерам они чинно шли к своему сараю на ночь. Мне иногда приходилось выгонять из нашего курятника чужих кур и выискивать недостающих. А какая радость находить беленькое яйцо в курятнике!

В доме жили рабочие и служащие гидролизного завода. Все дети в доме дружили. Если в квартире кто-то находился, двери на замки никто не закрывал. Если уходили куда то, то ключ оставляли либо под ковриком перед дверью, либо на условленном гвоздике в коридоре дома. Дети играли как летом, так и зимой на улице. Мы, девочки, возились в песке прямо около дороги. Песка было много, никаких песочниц не было нужно. Вечерами, особенно летом, собирались во дворе и играли в войну (русские всегда побеждали), в прятки, «круг-позакруг», в лапту. Дружили, соревновались, общались. Никто нам детских площадок не строил. Сами придумывали игры. То было настоящее «народное творчество». И ещё недалеко от дома была маленькая неглубокая речушка — приток реки Азанки. Купались, загорали. Зимой на ули-

це, конечно, было холодновато, наваливало много-много чистого снега. Мы вставали на лыжи, катались на санках, коньках, привязанных прямо на валенки. Я думаю, это было чудесное время в окружении здорового климата. Когда бушевала непогода, играли у кого-нибудь дома.

Сейчас расскажу об интересной детали из детства. Наш сосед дядя Ваня, о котором я уже рассказывала, был заядлым охотником, рыбаком, а также фотографом и художником на гидролизном заводе. Он был настоящим самородком. В большой комнате, в гостиной, где мы обычно играли, на стене висел портрет Сталина, огромный, от пола до потолка. Во весь рост в военном мундире, с величественным и спокойным лицом. Это было его художественное творчество.

Мы, дети, не воспринимали друг друга как людей разных национальностей и тем более, никто никого не выделял по социальному признаку, да и взрослые этого не поддерживали. Озлобленности среди детей не было. Родители, как правило, не вмешивались в наши отношения, мы сами разбирались. Но большим плюсом было то, что мы с детства знакомились с бытом, культурой, обычаями, взаимоотношениями в семьях с разными культурными корнями.

Друзья с нашего двора, 1953 г. Фотограф дядя Ваня.

Друзья из детства сохранились на всю жизнь. Я дружила с девочкой Людой Демчук из шестой квартиры. Ее папа и мама были с Украины. Дядя Серёжа преподавал математику в вечерней школе, мама — домохозяйка. У них была очень хорошая библиотека: собрание сочинений А. Гайдара, многотомник русских народных сказок и другие книги. Мы вместе с ней пошли в первый класс с шести лет, сидели вместе за первой партой. В начальной школе учились на одни пятёрки, вместе пошли учиться в музыкальную школу, нам

преподаватели давали учить произведения на фортепьяно в четыре руки. Мы садились рядом за инструмент и с большим энтузиазмом играли, например, вальс Арама Хачатуряна из музыки к драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Это был наш коронный номер. Прекрасное время, разве можно это забыть!

Семья Люды переехала в Туапсе, когда ей было 19 лет. Уже в наши дни, когда появился интернет, я отыскивала свою подругу, но она долго мне не отвечала. И вдруг однажды в мой день рождения, 4 января, раздался звонок:

— Это Лида Черкашина? — женский голос, с какими-то знакомыми нотками назвал меня детским именем.

— Да, а кто спрашивает? — отозвалась я.

— Это Люда Демчук.

Это был действительно подарок ко дню рождения. После переезда в Туапсе её семьи, мы несколько лет переписывались, но потом потерялись. Мы долго разговаривали о семьях, о детях. И вдруг она спросила:

— Ты помнишь, нас в детстве дядя Ваня как-то сфотографировал на лужайке у нашего дома. У тебя сохранилась эта фотография?

— Конечно, — был мой ответ.

Подруги Люда и Лиди, 1954 г.

Я была поражена этим вопросом. Это была моя любимая фотография. На ней мы были счастливы, красивы и с одинаковыми косичками. Был прекрасный, солнечный день. На фото нам по 6 лет. Когда дядя Ваня нас фотографировал он сказал:

— Этот день и эту фотографию, которую я вам подарю, вы девчонки, сохраните на всю жизнь.

Так и произошло. У нас было внутреннее единство взглядов, какая-то удивительная, похожая любовь к жизни, инте-

рес к поступкам друг друга. Мы дружили все школьные годы. Мне всегда казалось, что она лучше меня.

Во время этого последнего разговора она сказала, что серьёзно больна. Мы с Людой договорились, что я приеду к ней летом. Но я не успела. Вскоре позвонила её дочь Лена и сказала, что мама умерла. Шёл март месяц. Дочь моей подруги вдруг сказала:

— Я не думала, что есть такая дружба на всю жизнь.

Сейчас я бы сказала: «Да, в жизни есть всё: и дружба, и любовь».

Мама никогда не упускала детей из внимания. С утра, поднимая нас в школу, она всегда спрашивала меня и брата: «Чем будешь заниматься сегодня?» Особенно актуально этот вопрос звучал в каникулы! Обязательно должен быть план на весь день. Этот вопрос я каждое утро задаю себе до сих пор маминым голосом. Но не только задаю его, но и тщательно продумываю все свои действия.

Мама, опыты брата по фотографированию

Что надо было сделать в течение дня нам, детям? Выучить уроки, сходить в магазин, брату, если зима, наносить дров, принести воды, иногда сварить ужин, если родители задерживались, убрать квартиру, что-то погладить, постирать. Сложность задания зависела от нашего возраста. И всегда было задание прочитать ту или иную книгу. Контроль за учёбой был постоянный, но мама не выполняла с нами домашние задания. Это была наша ответственность.

Уже будучи взрослой, я отыскала много друзей детства. Это были врачи, рабочие, инженеры, воспитатели и заведующие детских садов, преподаватели в школах. Замечательные люди. Многие разъехались по стране, некоторые живут за границей.

Когда нам с братом было около 10 лет в доме появился отчим. Он работал нормировщиком в сплавной конторе. В Тавду попал в лагерь по 58 статье и отбывал наказание в течение 10 лет в Тавдинлаге. Осужденные по этой статье считались в то время «врагами народа». Не просто было жить с таким клеймом. Он был арестован в Москве в 1942 году. Но после лагеря остался работать в Тавде. Ему ещё некоторое время не разрешался выезд из города, тем более в Москву. Имя его — **Александр Казимирович Врублевский**.

Он был грамотным, активным, порядочным человеком, любивший жизнь. Дома всегда были книги, выписывались

журналы, газеты.

Мама и Александр Казимирович

Постепенно мы с братом стали называть его папой. Всей семьёй ходили в лес, отдыхали на природе, он иногда организовывал поездки на катере по реке. Не пропускались новые кинофильмы в кинотеатре «Октябрь» с двумя кинозалами, просторным фойе, также как и все здания в городе, построенном из дерева удивительно и красиво. Александр Казимирович с мамой не пропускали практически ни один фильм и

часто нам с братом настоятельно рекомендовали посмотреть наиболее им понравившийся. А летом к нам приезжал очень неплохой драматический театр из города Серова Свердловской области. Многие артисты были также в прошлом переселенцы. Спектакли в их репертуаре был всегда актуальными и весь город с удовольствием посещал их в летнем зале дома культуры лесокомбината при полном аншлаге. Не буду оригинальна, если скажу, что и огромный летний зал в основном парке тоже был весь построен из деревянных досок.

Немного о летних каникулах. Мы их частенько проводили в пионерском лагере «Домики» от сплавной конторы. Несколько раз нам проводили экскурсии в дом-музей Павлика Морозова, он был недалеко от лагеря в селе Герасимовка. Этого пионера знали все дети Советского Союза, как борца с кулачеством. Как это было на самом деле, сейчас ведутся дискуссии среди историков и моралистов, но у нас была возможность познакомиться с домом, где жил молодой герой, с реальными историческими событиями становления советской власти.

Мама и отчим постоянно брали летний отпуск и вместе уезжали на море, либо в Москву к брату отчима Вячеславу. Потом рассказывали нам о впечатлениях. Нас с братом отправляли к бабушке и дедушке в Уфу, на родину отца. Шли пятидесятые годы прошлого века. Поездки состояли из двух пересадок в Свердловске и Челябинске. В Свердловске мы гуляли по городу почти сутки. Хорошо помню проспект Ле-

нина того периода. Конечно, все дома были каменные, многоэтажные, но вот, где сейчас замечательное место отдыха жителей Екатеринбурга по названию «Плотинка», несколько лет вдоль проспекта на мосту через реку Исеть стояли зелёно-синие щиты. Реки вообще не было видно. Зрелище не вдохновляло.

Вспоминаются богатые гастрономы с разными кондитерскими изделиями в витринах. Да, это уже была не Тавда. В Челябинске были недолго — вокзал каменный, небольшой, довольно тесный, не как сейчас — большой и просторный. Хорошо, что прогресс не остановить!

Мама, автор фото: брат Виктор

И вот, Уфа 1950–60-х годов. В основном, город был застроен одно- и двухэтажными домами со своеобразной архитектурой XVIII–XIX веков, с красивыми башенками на втором этаже. Запомнился запах старинных зданий и садов с яблоками и сливами. Казалось, что ранее это был богатый, купеческий город. Мы жили в старом двухэтажном доме с многочисленными соседями. Люди жили закрыто, но детей это не очень касалось.

У бабушки на каникулах, Уфа, 1958 г.

Когда же я приехала в 1973 году на преддипломную практику в Башкирский государственный университет, город стал совсем другим. Большое здание университета, оперный театр с аллеей перед зданием из настоящих клёнов с большими жёлтыми осенними листьями в прозрачных лужичках. Завораживающе красиво. Особенно поразил Проспект Октября, очень широкий с небольшими берёзовыми, дубо-

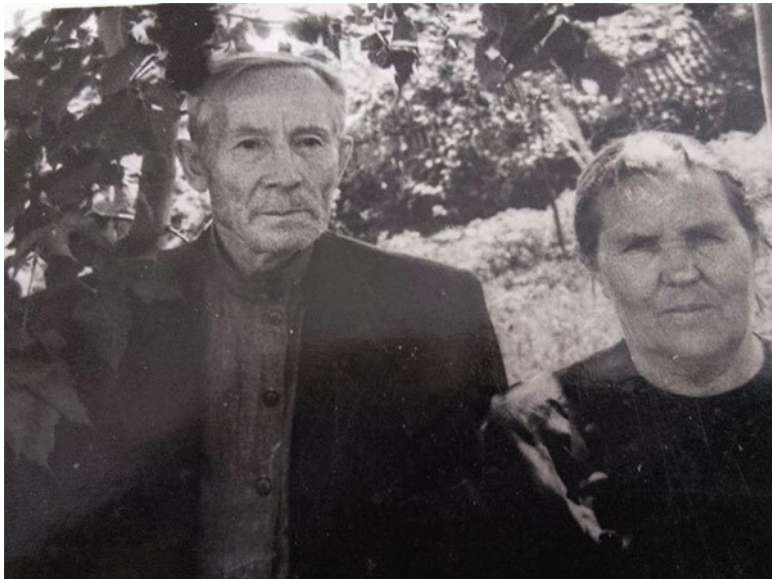
выми и сосновыми рошицами вдоль дороги. И кругом богатые цветники. Город выстроен с любовью. Это был родной город моего отца.

Бабушка и дедушка не приезжали в Тавду, но присылали посылки внукам: яблоки, орехи, вязание от бабушки Евдокии. Дедушка был скрупулёзно бережливым. Как-то под большим секретом, когда бабушка спала, сказал мне, что собрал для нас с братом и для бабушки по 10 тысяч. В то время это были большие деньги.

— Я думаю они вам пригодятся — на жизнь, на покупку квартиры.

— А где они? — был вопрос.

— Когда меня не будет, пойдёшь к нотариусу по месту жительства, там я оставил завещание.

Уфа, дедушка и бабушка на огороде

Но ничего этого мы не увидели. Когда мы обратились к нотариусу, завещания обнаружено не было. Были эти деньги реальными или в них были заинтересованы другие люди неизвестно. Мама была категорически против помощи со стороны родителей отца. Отношения у свёкра с невесткой, по-видимому, были очень натянутые.

Мама — главный человек в жизни каждого. Иногда мы это забываем. Моя мама была труженицей. Я не помню её празднично сидящей. Всю свою жизнь она вставала в 6 утра, да-

же на пенсии. Готовила завтраки, обед на день, давала всем напутствие, провожала нас на работу или учёбу, затем шла на работу сама или, будучи уже на пенсии, приступала к своим дневным занятиям. Она никогда не вмешивалась в личную жизнь своих детей, не давала назойливых нравоучений, но всегда знала, где мы, чем занимаемся, с кем дружим, приходила на помощь, когда это было необходимо. Что бы я ни делала, я всегда чувствовала её присутствие.

Вспоминаются некоторые события, которые забыть невозможно, и которые показывают характер, жизненную силу, порядочность и просто любовь к своим детям моей мамы. Когда я училась в музыкальной школе, дома инструмента не было. Мне приходилось искать, где можно тренироваться: у знакомых, вечерами в детских садах, то есть, где придёт-ся. Мама иногда говорила: «Не переживай, пианино у тебя будет». Я на это совершенно не надеялась. Мы жили очень небогато. Я даже не догадывалась, что родители из своих скромных зарплат тайно откладывала много лет деньги для покупки для меня инструмента. Для нас это была очень дорогая вещь. Однажды я пришла вечером домой и ощутила загадочную тишину домашних. Я сняла верхнюю одежду и неуверенно прошла в дом.

— Проходи, проходи смелее. Проходи в комнату, — мама взволнованно и уверенно взяла меня за руку и провела в гостиную.

В углу комнаты стояло блестящее, новенькое, чёрное пи-

анино.

До сих пор вспоминая, чувствую холодок и растерянность. Как родители его купили, как инструмент был доставлен в Тавду, как он оказался в нашей квартире мне до сих пор это неизвестно. Для меня это было подарком на всю жизнь.

Хочется рассказать ещё об одной ситуации в моей жизни, которая не могла бы разрешиться благополучно без участия моей мамы и моих родных. Когда у меня в 1976 году родилась дочь, мы **обе** получили заражение крови в роддоме. Надо было срочно что-то предпринимать. Жизненно необходимые лекарства купить было невозможно из-за их дефицита. Я с дочерью из Каменск-Уральского поехала в Тавду. Надежда была только на маму. Сколько мужества, стойкости, спокойной уверенности было с её стороны. Ситуация была критическая, ведь могла она разом лишиться и дочери, и внучки. Но она ни минуты не сомневалась, что мы найдём выход. Нам пришли на помощь друзья маминой юности. Здесь знали, что такое взаимопомощь. По линии аптечной сети две необходимые дорогие ампулы гамма-глобулина были доставлены в Тавду в детскую больницу, что очень оказалось непросто. Дочь была спасена. Лену выписали из больницы. Приехав домой, состоялся следующий разговор мамы уже со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.